

Как пропадают верования

Близится конец царству старого учения — и настает нора глубокого равнодушия к вере отцов. Конечно, такое равнодушие нельзя еще назвать сомнением или безверием: сомневаться не думают, отрицать веры не желают, по веруют уже не по-прежнему, веруют не искренно и с увлечением, а бессознательно и по привычке. — Мертва та вера, которую поддерживает одна рутина!

В начале, когда учение только зарождалось и распространилось, — его приняли и усвоили, потому что признали его за истину. В ту пору вера была жива и сильна: люди знали тогда, во что и чему они веруют.

Прошли века за веками, и потомство верующих стало уже веровать по преданию и привычке, мало-помалу теряя сознание и чувство заветной веры. И вот она исподволь меняет свою основу и, не опираясь более на убеждения, начинает уже покоиться на авторитете и окончательно превращается в мертвящую рутину. Передаваясь из рода в род по завещанию, старое учение постепенно искажается, утрачивает прежнее свое значение, а вера обращается в притворное чувство и сохраняется только на словах. Как ни звучны эти слова, но нет в них выражения веры, той чистосердечной и пылкой веры, которая некогда заставила людей волноваться, страдать и умирать. Старое учение еще господствует, но только по наружности; ему следуют, но уже без веры в его истину. Вот почему оно неизбежно извращается и разлагается, наконец, в бессмыслицу, на которую перестают даже обращать внимание.

Такое тупое равнодушие к заповедному учению не может, впрочем, долго продолжаться. Рано или поздно, в среде того самого общества, которое не верует искренно, а живет только суеверными привычками, появляются люди с пытливым умом и с чувством правды. Для них немыслима вера без убеждения и противен им разлад слова с делом. С невольным отвращением смотрят они на бессмыслие и лицемерие толпы, которая притворяется, будто бы во что-то верует и чему-то поклоняется. Совесть их возмущается при виде этого повального нравственного разврата, и в уме их зарождается тяжелое сомнение в истине веры, которая на практике обратилась в пошлую обрядность и позорное шутовство. Это сомнение совершенно законно и разумно. Мало того: умные и совестливые люди, которые презирают подложное чувство веры и видят в нем разврат мысли, вовсе не думают сперва посягать на самую веру или отрицать учение, которое ее вызвало. Нет, они желают только разгадать истинный смысл этого учения и оправдать его правила своим разумом, с целью веровать не слепо, а с убеждением.

Напрасное желание! — Века изуверства и лицемерия так исказили смысл господствующего учения, что оно бессильно уже воскресить в сердцах погибшую веру и рассеять сомнения. В нем была правда и правдой держалось оно время, пока шла борьба за его существование. Борьба кончалась торжеством; победители отпраздновали свою победу и, вскоре затем,

впали в то спокойное, равнодушное состояние, которого не знали прежде, когда боролись за свое правое дело, за веру и убеждения. Как сперва борьбой укреплялось новое учение, так потом победой ослабилось его значение, потому что бойцы охладели к нему и перестали им увлекаться. С этой самой поры гаснет вера, а с нею вместе и сознание ее смысла. Начиная с того, что самое учение о вере теряет свой отрицательный характер, получает догматический тон и заключается в узкие формы, в виде правил, наставлений, молитв, которые заучиваются и повторяются потом уже бессознательно. Таким образом, все более и более позабывается настоящий смысл общепринятого учения и тем дается возможность произвольно исказить его формы и практическое значение. И вот эгоизм и невежество обезображивают его окончательно так, что оно делается сводом самых изуверских правил, вопиющих противоречий и нелепостей, в которых нет даже тени здравого смысла. Властолюбие, своекорыстие, лицемерие, тупоумие, короче, все, что позорит и унижает человека, возводится уже в добродетель и мудрость того учения, которое возникло для борьбы с насилием, грабежом и всякою неправдой.

Понятно, что в таком безобразном и развратном виде старое учение не может возбуждать в честном и умном человеке ничего, кроме чувства отвращения. Вот почему люди, которые начинают добросовестно изучать влияние правил веры, обращенной в практику лжи, обмана и насилия, скоро кончают тем, что отрекаются от нее навсегда. Совесть и разум заставляют их не верить тому, что ложно, и не уважать того, что достойно презрения. С этой поры, освобождаясь умственно и нравственно от деспотизма старого учения, они проникаются новыми, светлыми убеждениями и чувствами. В них загорается пламень иной веры, веры в правду своего отрицания господствующего учения. Такая вера жива, потому что сознательна, жива, потому что выражает собой пробуждение человеческого разума после вековой дремоты; она жива, потому что увлекает и оживляет тех, кто ее чувствует впервые; она жива, наконец, потому что в ней залог революции, которая должна вызвать общество к новой, честной жизни.

И вот, в порыве страстного увлечения, отрицатели подложной веры громко заявляют свое отречение и взывают к здравому смыслу и совести общества. В этих живых и честных людях нет уже того благоразумия или, говоря вернее, того малодушия и лицемерия, которое боится правды и старается скрывать ее под разными предлогами. Кто верует в правоту своего дела, кто убежден в могуществе своей идеи и проникнут ею до мозга костей, тот не знает страха и говорит по совести все, что чувствует. Вот почему, без расчета и тайного умысла, отрицатели отважно провозглашают, что старое учение ложно, и обращаются к обществу с сильною, выразительною речью, в которой так и звучат слова давно забытой, но вечно сущей правды. С этой торжественной минуты во всех слоях общества проявляется какое-то тревожно-томительное настроение, и вскоре вспыхивает ужасная борьба.

Погруженное в спячку общество вздрагивает, пробуждается, начинает прислушиваться к голосу новых пророков и, оглядываясь на себя, замечает, что оно или ни во что не верует, или верует, само не зная чему. Закрадывается сомнение в умы людей, привыкших верить на слово, и в умы людей, которые никогда не проверяли своих понятий и взглядов, а действовали всегда слепо, повинувшись рутине. Смутно и медленно проникает в такие умы первое, неотразимое сомнение во истине старого учения. Хотя общественный разум и готов потом отказаться от него, но зараза привычной апатии так еще сильна, что масса людей не

скоро решается на прямое и откровенное отрицание своего прошлого.

Вот почему, не смотря на свое пробуждение от умственной дремоты, общество не вдруг поддается обаянию новых, оживляющих идей и как будто выжидает той минуты, когда разыграются страсти и завяжется борьба интересов.

Совсем иное происходит в среде партии, которая управляла и жила во имя старого учения. Люди этой партии давно уже привыкли к безмятежному владычеству и потому перестали помышлять о возможности опасного для них переворота. Но вот, почуяв неожиданно грозящую беду, они протирают глаза и готовятся встретить врага в полном вооружении. Что же, однако, оказывается? — Самозванные защитники старого учения давно уже забыли смысл его и не знают, как и почему утвердилось оно и стало господствовать над умами. Они помнят только то, что сумели воспользоваться правилами этого учения для достижения своих целей и обратили его в оружие обмана и насилия. Таким образом, когда настает пора обличений, когда общество обращает внимание на партию властвующих консерваторов, — они не могут прямо оправдаться и чувствуют, что кругом и под ногами все колеблется, шатается и разваливается. Они видят, конечно, что в обществе происходит, едкое-то небывалое брожение; они сознают также, что приходится защищать старое учение, в котором начинают сомневаться, считая его подложным. Что делать? Так или иначе, консерваторы должны доказать обществу, на каком основании признают они свое учение разумным и справедливым, и почему не следует его отрицать.

Нет, старая партия вовсе не думает сначала доказывать правды существующего учения, потому что сама не понимает его истинного смысла и сама не верует в него, И что может доказать она? Разве только то, что отжившее учение держится обычаем и преданием! Но такое доказательство нелепо и неуместно, когда общество желает стряхнуть с себя вековую рутину и жить новыми понятиями и чувствами, которые начинают уже волновать его. Это настроение умов более всего беспокоит консерваторов. Не задумываясь долго, они решаются подавить в зародыше новые идеи и потому обращают всю свою злобу на виновников умственного движения, то есть на отрицателей старого, извращенного учения.

Смелость этих свободных мыслителей так сильно раздражает слепых защитников рутины, что, не задумываясь долго, они решаются преследовать их и убивать, как опасных врагов. — Так начинается первая борьба; с одной стороны — разумное отрицание неправды и чисто нравственная сила убеждения, а с другой — вооруженная власть и грубое насилие во всем его безобразии.

Кровь первых мучеников свободы слова не пропадает, однако, даром: она смывает толстый слой нравственной грязи, под которым гноилось общество, и в нем воскресает чувство правды, проявляется сострадание к жертвам насилия и закипает ненависть к палачам. Осуждать и казнить людей за то, что они откровенно высказывают свои задушевные мысли, свои честные и разумные убеждения — разве это не вопиющее беззаконие и зверство? — спрашивает общество, и совесть его возмущается, и в голосе его слышится проклятие убийцам. С минуты на минуту разгорается сочувствие к осужденным и гонимым, а мысли и убеждения их, освященные кровью, проникают в общественное сознание и находят жарких последователей.

Таким образом, чем сильнее и упорнее преследуются новые идеи, тем скорее и глубже укореняются они в обществе и тем живее выражается его отвращение к старым понятиям и обычаям, во имя которых казнится все новое, разумное и свободное. Как ни сильна рутина, но она не может никогда сковать разума и воли людей так, чтобы они не поддавались обаянию новизны и не желали дышать свежим воздухом свободы и правды. Как ни продолжителен и глубок тот сон, в который погружается общество, под одуряющим влиянием рутины, тем не менее не может оно спать вечно и, рано или поздно, должно очнуться, пробудиться, ожить. Но жизнь невозможна для людей без сознания, без мысли и постоянного ее развития. Поэтому, чем больше новых и свежих идей появляется в обществе, тем лучше оно пользуется жизнью и тем быстрее развивается.

Запивая свою злобу горячей кровью свободных мыслителей, фарисеи старого учения с досадой замечают, что общество начинает их ненавидеть и грозит от них отложиться. С этой поры они решаются действовать осторожнее и стараются избегать возмутительных казней, чтобы не возбуждать общего негодования. При всем том, проповедь отрицателей не умолкает, и враги их волей-неволей принуждены отстаивать свое постыдное дело. И вот они начинают сами обращаться к общественному мнению и представляют на суд его правила того учения, которое исказили по-своему и требовали, чтобы его признавали и почитали без рассуждения.

Но в этой новой борьбе с отрицателями кровожадные и лицемерные консерваторы обнаруживают жалкое бессилие. Начиная с того, что самое условие борьбы ставит их в невыгодное положение: вступая в спор с противниками, которые не защищаются, а только нападают, им приходится выставлять на вид безобразное противоречие своего учения и оправдывать все, что ложно и подложно, что подло и нелепо. Настоящий, первобытный смысл этого учения так гнусно извращен веками изуверства и лицемерия, что защищать его в таком отвратительном виде — значит доказывать крайнюю глупость или подлость. Что же остается делать староверам, которые сами не веруют в свое учение, сами не отдают себе ясного отчета в нем, а тем не менее должны отражать нападение людей отрицания и критики? Неужели они будут так честны и разумны, что согласятся признать себя побежденными и, не продолжая спора, объявят, что старое учение утратило свой прежний смысл, исказилось в руках лжецов и плутов и стало орудием обмана и насилия? Неужели они пожелают очистить свою совесть искрением покаянием и скажут, что сами были лжецами, мошенниками, грабителями?

О нет! Не о покаянии думают бессовестные поборники старого учения, которым так долго и выгодно пользовались. Они думают о том, как известить и уничтожить отрицателей, смело срывающих с них маску веры. И вот, в то самое время, когда отщепенцы позорной рутины обличают ее неправду и вызывают к себе сочувствие здравомыслящих и честных людей, — неисправимые консерваторы пускаются на разные выдумки, чтобы оболгать, оклеветать и унижить своих врагов в общественном мнении. Они сознают, что не в силах бороться с ними одинаковым оружием и защищать правила своей бесчестной жизни. Они уверены заранее, что всякое оправдание с их стороны невозможно, что всякое их объяснение будет смешно и нелепо, и потому решаются бесцеремонно клеветать на отрицателей и оскорблять их, в ожидании удобного случая для кровавой мести.

Между тем общество, заинтересованное борьбой старой и новой партии, видит, что защитники рутины не рассуждают, а только бесятся от злости. Это еще более заставляет его ненавидеть их, как палачей, и презирать, как низких клеветников. И чем более пытаются они унижать отрицателей, тем сами ниже надают в общем мнении и доводят себя, наконец, до такого постыдного положения, что над ними начинают смеяться, как над забавными шутами.

Так настает пора насмешек над рутиной и над всеми, кто не отказывается от старых понятий и верований. Здравый смысл торжествует, и отрицательное направление мысли делается господствующим.

Опозоренные и осмеянные консерваторы смолкают. Но сдавленная злоба кипит в их сердце. Проходит еще несколько времени — и успех отрицания вызывает заклятых врагов его на отчаянную месть. Дело в том, что в обществе, разделенном на враждебные сословия, развращенном постоянной борьбой интересов и запуганном грубой силой, в таком обществе не может скоро укорениться отрицательное направление, которое требует свободы и только свободы. Поборники рабства и застоя понимают это хорошо и потому, отдавая невольную дань отрицанию, которому поддается общество в минуту своего пробуждения, не теряют надежды одержать, рано или поздно, решительную победу. Избирая удобный случай, они начинают разжигать личный эгоизм, возбуждать повальный страх и действовать вообще на грязные интересы людей, извлекающих какую-нибудь пользу из общественной неправды. Они жалостно проповедуют, что отрицание старого учения и вообще всей рутины грозит бедой всему обществу; что с уничтожением заветных верований и правил жизни падет и та власть, которая их сохраняет и поддерживает; что с упадком власти исчезнет всякий порядок и сила перейдет в руки опасных честолюбцев, которые не замедлят перестроить общество в свою пользу. Короче, расчетливые защитники рутины уверяют, что революция идей, вызванная отрицанием, повлечет за собою страшный, материальный переворот и нарушит все господствующие интересы.

Коварные наущения консерваторов достигают своей цели — и в среде общества раздается протест против „опасного отрицания“. Протестует, конечно, та часть общества, которая живет неправдой, наслаждается всеми благами жизни на счет угнетенных и ограбленных и потому более всего опасается потерять выгоды своего положения. В этой шайке развратных, тунеядных и своекорыстных людей, восстающих против отрицания, развивается отчаянная трусость и подлость. Один лишь страх, одна лишь забота во что бы то ни стало спасти свои бесчестные интересы связывают таких людей и заставляют их действовать сообща против отрицателей. В этой стачке интересов, в этом союзе малодушных негодяев заглушается всякое нравственное чувство и гаснет последняя искра совести и веры. И что же? Подобный заговор подлости прикрывается маской „благонамеренности“, и сообщники бесчестья, помышляя о своих интересах, нагло уверяют, будто желают поддержать нравственность, религию, право собственности и законный порядок. Разврат мысли и чувства доводит их до того, что они осмеливаются даже утверждать, будто грязное их дело — общее, народное дело!

Лицемерие, коварство, подлый страх, своекорыстие, властолюбие, желание обеспечить свое господство — все это придает партии старого порядка силу страшную и тем более опасную,

что отрицатели, полагаясь на сочувствие общества, презируют своего врага и считают его побежденным. Действительно: представители рутины потерпели поражение и дело их пропало в общественном мнении. Но они удержали, однако, прежнее свое положение и, не смотря на потерю нравственной силы, сохраняют еще материальную, которой недостает отрицателям. Мало того: консерваторы, пользуясь властью, несравненно сильнее своих противников тем, что составляют огромную и плотную шайку опытных, практических и ловких заговорщиков, которые действуют под влиянием страха и с одной только целью спасения своих интересов. Что же касается отрицателей, то между ними нет прочного союза и, сперва нападая сообща на старый порядок, они разделяются потом на отдельные партии и секты, которые взаимно ослабляются разногласием и спором. Завязывается междоусобная распря: каждая секта выдумывает свои догматы, выставляет своих учителей и проповедников, старается увеличить число своих последователей и добивается исключительного господства.

Так исчезает прежнее единство отрицательного направления и развивается раскол в среде людей, которые так мужественно и единодушно начали борьбу против старого учения и его правил.

А между тем общество, которое не принимало еще прямого и решительного участия в этой борьбе, продолжает сочувствовать отрицателям. Оно видит в них провозвестников правды и сознает ложь существующего порядка, основанного на извращенном учении и подложной вере. Никто уже не уважает этого порядка и не доверяет его защитникам. Но, при всем том, что общество склоняется на сторону новой партии, которая доказала ему нелепость и гнусность рутины, оно невольно смущается, замечая явное разногласие между отрицателями. Не они ли с таким самоотвержением и бескорыстием боролись за правду своего отрицания? Не они ли так единомысленно осуждали практику лицемеров и бессовестных ханжей! Не они ли так увлекательно и правдиво обличали пагубную вражду личных и сословных интересов! И что же? Вот они ведут между собою догматические споры и сами отрицают свое отрицательное направление, сами хотят сделаться практиками и потому соперничают друг с другом лицемерием, честолюбием и своекорыстием. Куда девалось прежнее единодушие? Чем кончилась проповедь отрицания? Где вера в его несокрушимую силу? Такими вопросами задается общество, глядя на печальный разлад, который побуждает отрицателей чуждаться и даже ненавидеть друг друга в виду общего врага.

Консерваторы торжествуют. В свою очередь, они нападают то на тех, то на других противников существующего порядка, осуждают и осмеивают их учение, выставляют на вид их противоречия и обвиняют в злонамеренности, недобросовестности, своекорыстии, короче — во всех пороках, в которых обвинялись сами. „Вот какие люди желали стать во главе общества! Вот какие эгоисты и честолюбцы притворялись праведниками и, обманывая легковверных и недалководидных, пытались подорвать доверие и уважение к законной власти и тому учению, которое она защищает для общего блага и спокойствия!“ — Так с поддельным увлечением ораторствуют консерваторы и укоряют общество за то, что оно поддавалось обольщению отрицателей, поверило их речам и правоте их дела.

Обществом овладевает, наконец, страшное разочарование. Кругом себя оно видит одних только обманщиков, которые пользуются его легкомыслием и умышленно сбивают его с толку. И вот, отчаиваясь в истине, оно приходит к тому убеждению, что свобода, равенство, справедливость, нравственность, вера, — все это пустые слова, которыми не следует увлекаться, чтобы не сделаться игрушкой в руках отъявленных плутов и лицемеров. „Нельзя верить ничему; все вздор, все обман!“ — говорят люди, которые еще недавно верили, что есть правда и что ее следует защищать, во всяком случае и без всякой задней мысли! — Таким-то образом остывает в сердцах малодушных и вообще забитых людей тот священный жар, который поддерживает страсть и силу убеждения. Пропадает увлечение правдой, и развращается разум и воля: честные и высокие мысли сменяются своекорыстными, низкими расчетами, и личный интерес делается единственным правилом жизни. Вся мудрость заключается уже в том, чтобы заботиться только о себе, жить и промышлять для себя, а об остальном не думать.

Не волнуется общество, не стремится выйти из заколдованного круга обычной рутины и равнодушно смотрит на свое безобразное положение. — Вот чего желали всегда и добивались защитники старого порядка. И теперь, когда общество опять засыпает, они не стараются господствовать над ним нравственно, не заискивают его уважения, доверия или даже расположения; еще менее того желают они обратить его на путь истины, добра и счастья. Общество равнодушествует — и консерваторы довольны; они убеждены в своей силе и знают, что могут пользоваться ею совершенно безнаказанно, могут делать все, что им вздумается, не встречая опасного сопротивления. Общество равнодушествует — и отрицатели не подозревают этого: они уверены еще, что враги не посмеют напасть на них по-прежнему, и надеются, что общественное мнение всегда поддержит их в минуту опасности и спасет от преследования. Они жестоко ошибаются: нет им спасения.

Готовится страшная развязка.

Глядите! — Вот они, гнусные консерваторы, собираются с силами, тайно сговариваются, потом осматриваются кругом и, убеждаясь окончательно, что общество погружено в глубокий сон, внезапно бросаются вдруг на свою жертву и с наслаждением мучат, терзают и душат ее. В этих убийцах по ремеслу пропадает даже сознание того, что они творят: жажда мести безумит их, а воспоминание о позоре и опасности, которой они подвергались, разжигает страсть палачества, страсть необузданную и зверскую. Кровью несчастных и безоружных противников своих тушат они ненасытный пламень злобы, а на трупах празднуют победу и провозглашают тост в честь деспотизма, который отныне должен упрочить их подлое беззаконие, прославить их позор и преступления.

И вот торжествующие палачи спешат облечь в законную форму свое систематическое злодейство и свой заговор против правды. Наученные опытом, они заботятся прежде всего о том, чтобы убить в обществе тот роковой дух отрицания, который напугал их, чтобы истребить окончательно то семя святой правды, которая дает плоды, отравляющие подлецов.

Замыслы консерваторов приводятся в исполнение — и наступает ужасная пора. В общественной жизни исчезает все, что может напомнить о человеческом достоинстве... Нет

более ни убеждений, ни верований, не совести, ни даже стыда: люди обращаются в отвратительных гадов, которые извиваются и ползают в ногах властей и не смеют поднять голов своих. На лбу кровожадных консерваторов красуется клеймо их преступлений, в улыбке их выражается удовлетворенное чувство мести, а в глазах сверкает, как и прежде, зверская неугасимая ярость. Эти чудовищные натуры, эти нравственные уроды не ограничиваются тем, что обращают самих себя в диких зверей; нет, они воспитывают еще, по своему подобию, особую породу вредных животных, под названием „практических“ людей, которые исполняют их волю и делаются слепыми орудиями деспотизма. Все удастся консерваторам, даже выделка подлецов!

И вот размножается в обществе класс отчаянных негодяев, для которых нет ничего святого: они готовы на всякий бесчестный поступок, на всякое преступление по одному лишь знаку своих господ, которые нанимают их и содержат на счет общества. Таким образом, в распоряжение консерваторов поступает огромная армия сыщиков, шпионов и всяких мерзавцев, которые обязаны знать и сообщать властям все, что делается в обществе. Эта армия получает правильную организацию и пользуется особенным расположением поборников старого порядка, потому что они считают ее надежным оплотом своего могущества и рычагом своей власти.

Понятно, что в обществе, в котором утверждается царство таких гадов, пропадает даже тень гражданской свободы и, кроме консерваторов и наушников их, каждый носит намордник и ходит на уздечке под плетью. Никто не смеет открыть рта и высказать мнения, которое не нравится партии старого порядка. Приверженцы этой партии не признают за обществом никаких прав; их надо считать не членами его, а извергами, живущими не по-человечески, а по зверскому инстинкту, который побуждает их предаваться грабежу и насилию.

Что остается делать в обществе, которое управляется такими хищниками? Чего можно, наконец, ожидать от общества, которое бесстрастно позволяет преследовать и казнить людей за убеждения, верования и за свободное их выражение? Погибли отрицатели, бойцы за правду, погибли на глазах общества, и оно не только равнодушно смотрело на их гибель, но даже само отдалось потом в руки палачей свободной мысли, которые стали насиловать и развращать его более прежнего!

Да, страшно жить в таком обществе, где честному человеку нет другого исхода, кроме самоубийства или позорной казни!

Да, страшно жить в таком обществе, где приходится терять веру в достоинство человеческой природы и отчаиваться в правде людской!

Еще страшнее заживо хоронить себя в подобном обществе, подчиняясь подлым правилам его обычной жизни!

Но нет, нет! — да не клянет честный человек судьбы своей. Всеу есть мера: почему не быть и мере подлости и позора?! Как низко не падало бы и ни развращалось общество, как бы оно ни топтало правды, но дойдет же, наконец, повальный разврат до своего крайнего предела

и подымется же правда, подымется и восстанет она во всем своем величии, во всей своей святости и силе! Мужайтесь, добрые люди, если в вас тлеется еще искра веры в совесть человека, веры в его будущее искупление от нравственного падения. Вы видите, что общество пало и лежит во прахе. Не смущайтесь, не падайте духом: общество пало, это правда; но оно лежит не в прахе, а только в обмороке, который может, конечно, продолжаться долго, очень долго, и все-таки не бесконечно, не вечно. Этот обморок сулит не смерть, а воскресение, возрождение к новой, лучшей жизни. Будьте уверены, что в те самые минуты, когда вы с отчаянием глядите на замирание общества, человеческая природа делает над собою страшное усилие, чтобы не пасть окончательно, и это усилие не напрасно. Знайте, что оно воскрешает общество и заставляет развиваться в нем семенам будущей жизни, и эта жизнь зарождается в среде видимого гниения и разложения.

Отрицатели погибли под ударами неумолимых защитников старого порядка, погибли, потому что желали оживить общество, которое враги их осуждали на смерть. Но не погибло то дело, которому они служили. Не даром они жили в обществе, не даром и пожертвовали собою: они нанесли смертельный удар царству старого порядка, царству лжи и насилия. Защитники этого порядка знают теперь, что они держатся только грубою силой, без всякой надежды поддержать себя нравственно и снискать уважение и доверие общества. Они знают это и давят, давят людей, пока не подавятся своим позором, пока не переполнят меры общественного презрения и ненависти. Они знают также, что, не смотря на все гонения и казни, в обществе живет и бодрствует дух отрицания, который грозит им неотразимой бедой.

Ложь старого учения доказана. В среде того же общества, которое будто подчиняется еще правилам этого учения, а в действительности в него не верует, зарождается новая вера, вера в человека, в его совесть, в его разум и в его будущность. Новые люди лелеют и воспитывают в себе и других эту новую, животворящую веру и на ней покоят все свои нужды. И люди эти являлись уже и продолжают являться все чаще и чаще в среде общества, и в их честных руках его спасение и будущее счастье. И люди эти всегда были и будут апостолами и учителями общества, потому что отличаются искренностью и смелостью убеждения, чистотою своих намерений и презирают пошлость практической жизни и отрицают ее неправду и разврат. Они понимают смысл прошедшей жизни народов, знают, во что прежде веровали и почему теперь практические мудрецы, кроме своего интереса, ни чему не верят.

Таким образом люди новой веры сознают свое призвание и чувствуют свое нравственное отчуждение от старого мира лжи, безверия и подлости. Мало того: они сознают уже то, чего не сознавали отцы их, чего не хотят и даже не могут сознать развращенные тираны: они сознают смысл и назначение революции, потому что носят ее в мозгу и в сердце своем, потому что выражают ее словами и делами.

Старые отрицатели только прозревали революцию и угадывали ее цель. Но им не суждено было предвидеть тех благоденствий, которые обещает человечеству грядущая революция. Им не суждено было понять этого, потому что приходилось бороться с неправдой учения, обращенного в практику грабежа и насилия. Пока длилась эта борьба с переменным счастьем, пока надо было отрицать старую веру и не было времени еще создать новую, до

тех пор революция, конечно, оставалась загадкой. Ее могли предчувствовать, но не сознавать и не чувствовать. Притом религиозные вопросы так сильно поглощали внимание прежних отрицателей, христиан и сектаторов, что они поневоле должны были упускать из вида вопросы политические и социальные, которыми только и живут революционеры конца XVIII и XIX веков.

Живой о живом и думай! Отщепенцы, люди живые, отрицающие мертвечину старого общества, веруя непоколебимо в будущее, с чувством непритворного горя, близкого к отчаянию, смотрят на бедствия самого многочисленного и бедного класса людей, на бедствия и страдания рабочего народа. И вот, желая всеми силами разума и волн облегчить его жалкую участь, они вступают в борьбу с его вечными и неизменными врагами, с тунеядцами, лихоимцами и палачами. Этой борьбе они, бесстрашные отрицатели, философы, революционеры, посвящают свою жизнь и готовы жертвовать ею, даже без надежды помочь своим самоотвержением. Тем не менее они не отчаиваются в своем деле и, умирая, завещают свое дело народного спасения всякому честному человеку, который одарен светлым умом, добрым сердцем и верует в непобедимую силу революции. Такой человек и с такою верою, становясь в ряды защитников народа, делается олицетворением самой правды: она говорит его словами, заявляется его делами, повелевает его волей. Такой человек живет уже не для себя, а для правды, которую мыслит, дышит и наслаждается. Он пророчит во имя спасения народа от грабежа и насилия; он умирает во имя ее с верою в это неизбежное спасение. Другими словами: он — пророк и, если придется, будет мучеником новой веры.

Так умирают старые верования; так кончаются старые порядки и так, на развалинах их, восходит лучезарное светило новой веры!

Версия #1

Зверобой создал 3 июня 2026 01:21:10

Зверобой обновил 3 июня 2026 01:23:19